

Трагедия

Холокост значит «всесожжение»

Национализм во все времена по отношению к любому народу порождает кровопролитие

В нашей семье нет фотографий прабабушки и прадедушки: Дора и Борис Раскины с младшим сыном Иосифом погибли в Бобруйске во время массового расстрела евреев. Их дочери-подростки, моя будущая бабушка и её сестра, чудом эвакуировались в Магнитогорск. Всю войну они писали запросы о родителях и брате с надеждой: а вдруг они живы... Мне хочется напомнить жителям многонациональной Магнитки горькую дату 27 января – День памяти жертв Холокоста.

Право умереть вместе

Холокост – преследование и уничтожение евреев в гитлеровской Германии и на оккупированных ею территориях в 1933–1945 годах – стал самым массовым геноцидом XX века. Слово это в переводе с греческого значит «всесожжение». Лагерь смерти, газовые камеры, гибель шести миллионов евреев. Холокост должен был послужить страшным предостережением, но... Ответьте себе, дорогие читатели: а вы и ваши близкие полностью свободны от национальных предрассудков? Иной раз слышу и злые шуточки про евреев, и откровенные антисемитские высказывания от вроде бы интеллигентных людей. Они не хотят меня обидеть – чаще всего просто не задумываются о моей еврейской половине крови. И в эти моменты я, дочь русской мамы, воспитанная на русских культурных традициях, остро ощущаю себя частичкой еврейского народа, и во мне вскипает кровь, русская вместе с еврейской.

В 2014 году, когда приехала на бабушкину родину, в Бобруйск, казалось, что генетическая память подсказывает дорогу. В центре сохранились довоенные дома. Где-то здесь жила дружная семья с тремя детьми. Когда грянула война, отец до последнего верил в цивилизованных немцев – такими они запомнились в первую мировую. В пути на вокзал родители вспомнили о забытых документах, с младшим сыном побежали за ними домой и уже не вернулись. Девчонок добрые люди затолкали в последний эшелон, уехавший на восток. Много лет спустя их двоюродная сестра, воевавшая в партизанском отряде, рассказала: мои прабабушка и прадедушка отдали немцам свои золотые кольца за право умереть вместе...

Поминальная молитва

В Бобруйске у нас никого не осталось. В планах было погулять по городу и обязательно зайти в синагогу – почтить память родных. Сбилась с маршрута, пошла наугад – у старинного кирпичного здания с красивым заборчиком что-то меня остановило. Это и оказалась синагога.

Молодая женщина с библейской внешностью выслушала меня и сказала, что завтра – большой праздник, имена моей родни прозвучат в молитве. Присутствовать можно всем – не только иудеям, но и их близким, относящимся к другим конфессиям. Но на вечер у меня был обратный билет на поезд.

– К нам часто приходят люди разных национальностей, разного вероисповедания и просят о поминальной молитве для предков-евреев, – сказали мне в синагоге. – Ассимиляция после войны была очень активной. Многие мамы, пережившие оккупацию, говорили

Мемориал «Яма» в Минске

сыновьям: женись на русской, пусть твои дети не узнают этого ужаса.

Узнав, что я приехала с Урала, меня угостили кофе и домашним виноградом и предложили побывать в Каменке, где, скорее всего, и погибли мои предки. Массовых расстрелов было несколько, но окончательное уничтожение обитателей гетто было там – 6–8 ноября 1941 года.

Олег Краснов, активист еврейской общины, свозил меня на машине. Без него не нашла бы – с трассы это место не увидишь, указателя нет.

– От вас ничего не надо. Это не тот бензин, за который можно брать деньги, – сказал он.

Оплавленные камни

Девять километров от города узники гетто шли пешком. Ещё не зная, что в конце пути их ждёт смерть.

Если в Беларуси вы видите надпись о гибели мирных жителей, женщин и детей, военнопленных – скорее всего, речь о евреях, только в советское время не принято было это подчёркивать.

Конечно, смерть мирного населения – всегда трагедия. Но если людей убивали именно по национальному признаку, это должно быть озвучено.

Тихая солнечная поляна, вокруг сосны. Монумент, рядом – постамент с чёрными оплавленными камнями – это останки тел, залитых смолой и сожжённых.

– Все-таки нехорошо оставлять мёртвых непогребёнными, на поверхности земли, – рассказывает мой спутник. – Это свидетельство зверств фашистов, но в планах – установить сверху стеклянные кубы, чтобы погибшие не лежали под открытым небом.

Чуть поодаль – камень с надписью на иврите. По краям поляны – два заросших травой рва, куда сбрасывали убитых. И по две звезды с каждой стороны монумента – пятиконечная красная и шести-

конечная жёлтая – звезда Давида... Оставляю у подножия монумента свечу, подаренную в синагоге.

– В детстве гордился тем, что живу в Беларуси, где было так много героев и не было предателей, таких, как бандеровцы. Позднее узнал: были, – говорит Олег. – За евреев немцы давали продукты, и находились «предприимчивые» люди, которые помогали преданным ими евреям бежать, чтобы сдать их снова – ради прокорма семьи. Но есть и другие истории – когда белорусская деревня больше года прятала у себя соседей из еврейской деревни, выстроив для них настоящий подземный город. Кормили, делись последним. По ночам поочерёдно выпускали их на прогулки – чтобы немцы не заметили.

...И мальчик со скрипкой

В Минске побывала на месте расстрела узников гетто. Мемориал «Яма» на улице Мельникайте расположен в окружении жилых домов. В Бобруйске мне рассказывали, что изначально мемориала не предполагалось вообще, и минские евреи осуждали архитектора-«предателя», согласившего снести частный сектор и застроить это место жилыми многоэтажками. Но архитектор так спланировал застройку, что вокруг Ямы стояли дома, а на самом месте расстрела уже ничего построить невозможно.

В 1947 году в Яме установлен обелиск, текст надписи на нём написан поэтом Хаимом Мальтинским на идиш: «Светлая память на вечные времена пяти тысячам евреев, погибшим от рук лютых врагов человечества – фашистско-немецких злодеев – 2 марта 1942 года». Это был первый памятник жертвам Холокоста в СССР, на котором было разрешено сделать надпись на идиш. Но затем Мальтинского и каменотёса Мордуха Спришена арестовали по обвинению в «космополитизме – проявлении еврейского буржуазного национализма», в том числе за то, что

написали на памятнике о евреях, а не предписанную фразу о «мирных советских гражданах».

В 2000 году установлена бронзовая скульптурная композиция «Последний путь». Спускаешься вниз по ступеням – и как будто рядом с тобой цепочкой идут обречённые. И последний – мальчик со скрипкой...

С Магнитогорском связали свою судьбу немало эвакуированных, в том числе спасшихся из оккупированной фашистами Белоруссии. Моя бабушка, Софья Борисовна Лещинская, стала учителем русского языка и литературы, её сестра Зинаида Борисовна Потапкина – учителем математики. Благодарные ученики вспоминают их до сих пор. А они всю жизнь помнили и счастливое детство в Белоруссии, и потерю семьи, и трудности военных лет. После войны баба Зина поехала в родной Бобруйск. В доме её детства жили чужие люди. У соседей увидела знакомые с детства предметы обихода и услышала: «Уезжай, Зина, тебе здесь делать нечего». Вернулась в Магнитку.

При жизни моих бабушек День памяти жертв Холокоста ещё не был учреждён. Впервые его отметили 15 лет назад, 27 января 2006 года. Именно в этот день 1945 года войска Советской Армии освободили Освенцим. Международным днём памяти жертв Холокоста установлен резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН от первого ноября 2005 года. Инициаторами принятия документа выступили Израиль, Канада, Австралия, Россия, Украина, США, а их соавторами – более 90 государств.

Пепел концлагерей

В наши дни ещё живы малолетние узники нацизма, и их тоже всё меньше. Несколько лет назад мне довелось пообщаться с Ефимом Фурманом, в своё время – начальником вычислительного центра ММК. Ефим Менделевич 20 лет из 49-летнего трудового стажа отдал комбинату. Когда-то был начальником моей тётки, программиста, поэта Галины Лещинской, которая вспоминает его добрым словом.

Мемориал на месте массовой казни евреев под Бобруйском

В 2013 году Ефим Менделевич скончался, похоронен в еврейской части Левобережного кладбища неподалёку от моих родственников. Тесен мир...

В июне 1941-го Ефиму было три года три месяца, но он запомнил жаркий летний вечер в посёлке Липканы в Молдавии недалеко от границы: 21 июня люди допоздна сидели на улице возле своих домов – и вдруг в темноте увидели приближающуюся со стороны Румынии вереницу фар. Это шла военная техника фашистов. Красная Армия отступала быстро, уйти вместе с ней успела только лёгкая на подъём молодёжь. Те же, у кого на руках были старики и дети, остались в оккупации.

Людей постоянно гнали в глубь завоёванной страны, первые полгода просто гоняли туда-обратно, пленные гибли от голода и усталости. Мендель Фурман, отец Ефима, корчевал пни в лесу, это была изнурительная работа. Основной пищей была баланда из гороха, картошки не хватало. Болезни, нищета...

Советские войска пришли весной 1944 года. Бывшие узники гетто застали на месте родного села пепелище. Уцелела только церковь на пригорке. Пришлось всё начинать сначала.

Многие годы после Великой Отечественной Ефим Фурман писал в анкетах: «Находился на оккупированной территории». Тогда это считалось пятном на биографии. И неважно, что к началу оккупации ему было всего три года.

Наряду с геноцидом армян в Османской империи Холокост признан одним из самых страшных преступлений XX века – как и геноцид цыган в нацистской Германии и на оккупированных территориях, который также долго замалчивался: мемориал цыганам, ставшим жертвами геноцида, открыт в Берлине только в конце 2012 года.

Когда слышу о так называемом «отрицании Холокоста», перед глазами встают воспоминания доктора филологических наук, почётного профессора МГТУ Светланы Григорьевны Шулежковой о том, как её с мамой и сестрёнкой гнали в Германию: «В Польшу мы шли по щиколотку в пепле, пахло словно подгоревшим в духовке кроликом. Это был пепел концлагерей».

✍ Елена Лещинская

Ефим Фурман

Софья Лещинская

Зинаида Потапкина